

- ¹ О работе ленинградских физиков К. А. Петржака и Г. Н. Флерова см. статью А. Ф. Иоффе на с. 134 наст. сб.
- ² О сущности замечаний, содержащихся в работе молодых советских теоретиков В. Б. Берестецкого и А. Б. Мигдала «О механизме деления ядер» (ДАН СССР, 1941, т. 30, № 8, с. 701, 702) см. подробный комментарий к данному письму в кн.: *Иоффе А. Ф. Встречи с физиками*. Л.: Наука, 1983, с. 200.

И. ПЛЕШУ *

21 января 1931 г., Ленинград

[...] Работа по трибоэлектричеству и по контактным потенциалам, которую провела Анна Васильевна, дала новые и интересные результаты. Мне очень хотелось бы, чтобы эта работа как можно скорее была бы подготовлена к печати.

* Профессор Иоганн (Янош) Пlesh (1878—1957), известный ученый и врач. Научные труды Пleshа посвящены, в частности, проблемам «медицинской гидродинамики» — движению крови в сосудах, методам измерения кровяного давления, болезням сердца. Он является автором ряда запатентованных им приборов для измерения артериального давления и т. д. Одна из книг И. Пleshа «The blood pressure and its disorders including angina pectoris» имеет посвящение: «Моему другу Абраму Иоффе». В предисловии к этой книге говорится: «Посвящая эту книгу физика Абраму Иоффе, лауреату Сталинской премии высшей степени и организатору физических исследований в Союзе Советских Социалистических Республик, я не только выражаю свои дружеские чувства большому ученому и верному другу, но хочу также выразить, хотя бы в небольшой степени, благодарность, которую я испытываю ко всем русским людям, чьи гений и жертвы противостояли разгулу варварства» (Лондон, декабрь 1943 г.). И. Пlesh познакомился и подружился с А. Ф. Иоффе в 20-е годы в Берлине — через Эйнштейна и Эренфеста (Эйнштейн был пациентом Пleshа в берлинские годы). И. Пlesh, эмигрировав в Англию (1933 г.), написал там книгу: «Янош — история доктора» («Janos: The story of a doctor»), выдержавшую несколько изданий в Англии и переведенную на немецкий язык уже после войны. В этой книге очень много написано о А. Ф. Иоффе — в необычайно уважительных и дружеских тонах.

Оригиналы приведенных ниже писем А. Ф. Иоффе к И. Пleshу хранятся в рукописном отделе Государственной библиотеки в Западном Берлине. Ксерокопии с них были любезно предоставлены профессором П. Пleshем (сыном И. Пleshа), которому мы, пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность. Письма написаны в основном на немецком (пер. И. Л. Гандельсмана), а также на английском (пер. В. Я. Френкеля) языках.

Иоганн Пlesh

Моя организаторская деятельность разворачивается все шире. У меня целый ряд «грандиозных» планов, осуществлению которых, как я могу о том судить, ничто не препятствует. Они открывают широкие пути и для чисто научных исследований.

Я продумал множество технических проблем. И мне кажется, что во многих из них самое существенное схвачено неверно. Либо я так глуп или не практичен, либо они должны идти по совсем другим путям, которые мне видятся довольно ясно. И это относится ко всему возможному: источникам энергии, термоэлементам, строительным конструкциям, мелиорации и т. д.

Если уж я и сожалею по поводу отказа от поездки в Берлин, то только потому, что не смогу эти свои идеи обсудить с Вами.

Внешняя обстановка за последнее время значительно улучшилась. Продуктов питания (икры, сыра, ветчины, фруктов, сладостей и т. п.) достаточно. Улучшилось финансовое положение. В частности, у нас есть своя столовая, где очень хороший обед стоит 35 коп. Рабочая программа и бюджет на 1931 г., как Вам наверное известно из газет, и в самом деле грандиозны. Еще год, и мы преодолеем трудности.

Я осуществил свою идею — выбрать наитолковейших изобретателей из среды заводских рабочих и дать им высшее образование, и теперь на них не нарадуюсь. Интерес, с которым они подходят к каждому вопросу, и оригинальность их высказываний показывают, что мы в действительности имеем дело с людьми думающими.

15 августа 1933 г., Крым

Мой дорогой друг!

Наконец-то я уверен, что Вы избежали опасности.¹ Я провел многие бессонные ночи без какой-либо восточки от Вас, пока не сообразил навести справки через Эренфеста.

Моя попытка с поездкой в Париж сорвалась. Первое письмо меня мало успокоило, так как Вам предстояло еще возвращаться, а это означало, что семья Ваша оставалась еще там [в Германии]. В это время я прочитал постановление о конфискации всего у тех, кто уехал за границу. Значит, теперь опасность позади. А все остальное уладится. Не придаст ли это импульс Вашей энергии, сделав Вашу жизнь более полной и интересной по сравнению с прежним спокойным существованием? Может ведь и так? Во всяком случае дети Ваши узнают многое из настоящей жизни и в свою очередь должны будут активно бороться (хотя их успех будет обеспечен все-таки Вами). Кроме того, они попадут в среду английских детей...

Я в самом деле думаю, что Ваши дети от новой обстановки только выиграют, а не это ли самое главное как для Вас, так и для Вашей супруги?

В октябре я приеду (может, даже с Анной Васильевой) в Брюссель и Париж. Надеюсь там Вас увидеть (два с половиной часа полета). Возможно, что приеду и в Англию.

В данное время мы пребываем в Крыму в санатории для научных работников. Это — дворец с большим парком у моря. Мы много ходим пешком, играем в теннис и плаваем. Я пишу книгу по молекулярной физике для студентов и др. заинтересованных лиц.

К юбилею² должна выйти серия монографий (свыше 2000 страниц), сначала на русском, а затем, частично, и на французском языках [...].

Как только я снова окажусь в Ленинграде, то напишу Вам. Каждое известие от Вас радует меня необычайно. И вот только опасность, которой Вы были подвержены, показала, насколько Вы мне близки.

Сердечный привет от Анны Васильевны.

Весь Ваш А. Иоффе.

¹ Имеется в виду опасность, связанная с фашистским переворотом в Германии, в результате чего Плеш эмигрировал в Англию.

² 1—3 октября 1933 г. Физико-технический институт отмечал свой 15-летний юбилей. К этой дате было издано более 20 монографий, написанных ведущими сотрудниками ФТИ (А. П. Александровым и С. Н. Журковым, А. И. Алихановым, А. Ф. Иоффе, П. П. Кобеко, И. В. Курчатовым, П. И. Лукирским, Д. А. Рожанским, Я. И. Френкелем и др.). На французский язык были переведены книги А. Ф. Иоффе «Электронные полупроводники» и И. В. Курчатова «Сегнетоэлектрики».

16 сентября 1933 г., Ленинград

Дорогой друг!

Вот уже несколько дней, как я вернулся с юга и вдобавок с гриппом, что, кстати, предоставляет мне немного свободного времени. А предстоит мне настоящая кутерьма. Завтра на 15 дней приезжает д-р Кулидж из фирмы Джeneralь Электрик, 24—30 [сентября] у нас будет конференция по атомному ядру с участием Дирака, Грея, Жолио, Перрена, Оккиалини, Блоха и др., затем 1—3 октября мы празднуем 15-летний юбилей. А затем 5 октября я еду в Париж (конгресс по физической химии, где мне предстоит сделать обзорный доклад) и в Брюссель на сольвеевский конгресс. Вместо того, чтобы, как обычно, [ехать] через Берлин, на этот раз, по легко понятным причинам, ехать придется через Лондон. Я,

конечно, надеюсь там Вас встретить. Советское судно придет в Лондон числа 11—12 октября, и там я, пожалуй, пару дней смогу пробыть. Напишите или телеграфируйте мне, устраивает ли это Вас. Перед отъездом я дам Вам еще телеграмму. Хочется рассказать Вам о многом, и мы это сделаем при встрече.

Итак, до скорого свидания! Вашей супруге и детям самый сердечный привет. Я очень надеюсь на то, что все будет не только хорошо, но даже еще лучше.

Анна Васильевна просит прислать привет и от нее.

Ваш искренний друг А. Иоффе.

18 декабря 1933 г., Ленинград

Мой дорогой друг!

Посылаю Вам с этим письмом несколько почтовых марок со стратостатами. Здесь, в Ленинграде, я не смог их найти и только во время моей поездки в Москву разыскал этот набор. Но вот я не знаю, какие Вам желательны марки — гашенные или негашенные. Далее, мне неизвестны существующие правила пересылки марок по почте. В Москве я видел такие чудесные почтовые марки этнографической серии (различные народы Советского Союза). Если Вы захотите приобрести такие марки, то лучше всего написать в Москву в гостиницу «Националь» в филателистическое отделение. Почтовые марки в большинстве случаев продаются по номинальной стоимости.

В Париже и Брюсселе я пробыл, пока не закончились конгрессы, и уже 1 ноября вернулся, но прошел еще месяц, пока я приступил к работе. Теперь мы с Анной Васильевной усердно трудимся.

Настроение здесь очень поднялось, поскольку аграрная проблема решилась благоприятно, и не только потому, что исключительно высоким был урожай, но и организация колхозов удалась отлично. Уже задолго до запланированных сроков во всех районах Союза были выполнены все поставки государству, заложен неприкосновенный запас и подготовлен семенной фонд для следующей весны. Также сильно возросло производство угля, чугуна и стали. Поэтому перспективы перед следующим партийным съездом весьма оптимистичны.

У нас в Академии обстоятельно разработан и обсужден грандиозный план реконструкции бассейна Волги. Частично он начнет осуществляться уже в ближайшем будущем.

В нашей работе мы дошли до решающих экспериментов. Если их результаты будут соответствовать ожиданиям, то они представляют собой существенный шаг вперед. Об этом я Вам потом напишу.

Как идут дела у Вас и у Вашей семьи? На рождество дети, наверное, придут домой? Видели ли Вы Капицу или Блекетта?¹ Может быть, мы с Анной Васильевой в мае—июне приедем в Англию.

Напишите, пожалуйста, получили ли Вы марки.

Ваш, совершенно преданный Вам А. Иоффе.

¹ П. Л. Капица в это время работал в лаборатории Э. Резерфорда в Англии. В 1934 г. он вернулся в СССР. П. Блеккет — ученик Резерфорда, лауреат Нобелевской премии по физике 1948 г.

6 мая 1934 г., Ленинград

Дорогой господин Плеш!

От души благодарю за прекрасные сверкающие краски посылки, которую мы в полном порядке получили.

Поездка наша отодвигается на осень, так как атомная конференция в Лондоне,¹ которую мне очень хочется посетить, перенесена на 4—6 октября. Мы намереваемся теперь выехать в середине августа из Одессы через Стамбул, Афины, Италию (конгресс по радиобиологии в Венеции в середине сентября) и прибыть в Англию. Как долго мы там пробудем — еще определенно неизвестно: это зависит от того, как будет разворачиваться наша работа.

Исследование полупроводников мы рассчитываем закончить до июля; затем мы отправимся в горы на Кавказ (Теберда). Но, кроме этого, у меня на ходу и другая работа, которая в благоприятном случае может обрести большое значение для техники. Она-то и делает мои планы столь неопределенными.

В настоящее время у нас в гостях Нильс Бор с женой и своим ассистентом Розенфельдом. Через десять дней приедет Жан Перрен со своим сыном. Все это отнимает

много времени, хотя также при этом многому учишься. Бор исключительно милый и глубокий человек.

Как это было бы прекрасно заполучить Вас еще раз в гости.

К сожалению, в ближайшее время и Академия наук и Институт экспериментальной медицины переселяются в Москву. Я же со своим институтом, конечно, остаюсь в Ленинграде.

Как Вы? Мне кажется, что до 7 июня (тогда, кажется, должен быть последний экзамен?) у Вас дел будет предостаточно. Вся эта история с экзаменом такого, как Вы, медика представляется как насмешка над английским консерватизмом. Но это, наверное, стоило Вам многих месяцев.

Как воспринимает Ваша супруга условия жизни в Англии? Вжилась ли она уже и обзавелась ли кругом знакомых, из числа которых можно было бы в дальнейшем найти друзей? Без этого остаешься чужаком. Ну, а дети, наверняка, найдут в Англии более естественную, чем в Германии, атмосферу. Там становится все хуже и опаснее, равно как и в Японии.

В нашей стране хозяйственное и культурное развитие продвигается огромными шагами. Если нам только удастся избежать войны (а для этого делается все возможное), то будущее видится мне весьма оптимистично. Самые большие трудности в развитии сельского хозяйства нами уже преодолены.

Работа в моем институте идет так интенсивно и успешно, как только об этом можно желать.

¹ На конференции в Лондоне, имевшей две секции: физики ядра и твердого состояния материи, были физтеховцы А. И. Алиханов и Д. В. Скобельцын. А. Ф. Иоффе на конференцию не поехал, но представил туда две статьи по физике прочности, опубликованные в трудах конференции и переведенные для 1-го тома его «Избранных трудов» (Л.: Наука, 1974, с. 296—307).

24 сентября 1934 г., Ленинград

Дорогой друг!

К сожалению, на лондонский конгресс приехать я не смогу. А значит, переносится и наша встреча. И это для меня большое разочарование. После смерти Эренфеста Вы остались моим единственным другом, которому я могу

совершенно доверительно все рассказать. Может, в мае мне удастся поехать в Кембридж, но до той поры — вряд ли.

Месяц каникул мы провели на Кавказе; много пеших прогулок и восхождений в горы пошли нам на пользу. Погода была превосходной, а множество голубых озер и белых ледников в лесах или в окружении белых вершин выглядели чудесно.

Мое здоровье в наилучшем состоянии, научная работа — так же. Кроме полупроводников, поведение которых мы обстоятельно выяснили, я работаю над совершенно новым высоковольтным электрогенератором и над новым видом масс-спектрографа. Обе работы идут полным ходом. Мы даже сделали маленькую модель генератора, которая дала нам точно ожидаемые результаты. Теперь мы заняты тем, что повторяем эксперименты в больших масштабах. Если на них все подтвердится, то я ожидаю очень важных результатов в различных применениях. Единственное, что мне очень неприятно, так это отказ от поездки в Лондон.

На менделеевском конгрессе у нас было много зарубежных гостей,¹ среди них много цемцев и несколько англичан. Юбилейную марку, как и другие юбилейные почтовые марки, я Вам вышлю, поскольку Вы проявили интерес к стратостатным маркам.

От Вас вот уже два месяца ничего не слышу. Предполагаю, что Вы уже снова в Лондоне. Начали ли Вы практиковать? Есть ли у Вас лаборатория, где Вы могли бы заниматься своими идеями? В каких отношениях Вы с лондонскими медицинскими кругами? Привыкла ли Ваша жена к Англии? Не чувствует ли она себя больше такой чужой? А в Германии все хуже и хуже. Как обстоят дела с конфискацией? Довольны ли Вы развитием Ваших детей?

Можно ли надеяться на Ваш приезд к нам в гости?

Развитие СССР продвинулось вперед невообразимо. Сравнение с тем, что Вы видели здесь за несколько лет до этого, действительно очень поучительно. Вопреки длительной угрозе войны (Япония, далее Германия), создана огромная промышленность, новое сельское хозяйство и новый мир социальных отношений. В Москве будут построены новая Академия наук и новый великолепный Институт экспериментальной медицины. Жизнь стала несравненно удобней, для иностранных туристов тоже

(уже не так дорого, много авто и т. д., лучший обед в гостинице «Националь» в Москве стоит 2—3 марки). Между Лондоном и Ленинградом прямое сообщение морем [...].

¹ На юбилейном менделеевском съезде, проводившемся в Ленинграде в 1934 г., присутствовали, в частности, О. Ган, Л. Мейтнер, П. Ноддак (Германия), супруги Ф. и П. Жолио Кюри (Франция).

17 декабря 1935 г., Ленинград

Дорогой друг!

За последние месяцы я получил множество различных знаков Вашей дружбы и внимания, за которые благодарю Вас от всего сердца. Как прекрасно уже столько лет и за много километров иметь настоящего друга. И я ощущаю это еще глубже потому, что здесь у меня нет такого близкого друга, да нет и времени поддерживать дружбу. И это из-за своей научной работы и многочисленных обязанностей (я издатель 4-х физических журналов, директор двух научных институтов, председатель физического отделения Академии, руководитель физического семинара в техническом институте и т. д. — по меньшей мере, их не менее 30). Все это требует времени, энергии. Я не могу сказать, что это чересчур много для одного человека, так как никогда не устаю, но, во всяком случае, хватает вполне. И, действительно, это огромное счастье принимать активное участие в историческом развитии социалистического строительства. А вокруг все заметнее растет процент счастливых людей, и это, наверное, наилучший критерий.

В ближайшее время мне предстоит решающие дела.

1. Моя научная работа, которая с конца июня занимала меня целиком, подходит тем временем к концу. Как я могу предвидеть, все мои ожидания сбудутся.

2. Одновременно я разрабатываю огромный план исследований ядра и масс-спектрограф.

3. 25 февраля в Сельскохозяйственной академии должен состояться мой доклад о результатах моей деятельности в этой области за последние 4 года. Неожиданным образом результаты эти оказались весьма значительными. Ведь до сих пор никто всерьез не использовал физику применительно к этой области. И уже первые опыты по-

Этому оказались очень удачными. Мы нашли практические пути преобразования плохих почв в хорошие, поднимать их температуру на 6—10°С, останавливать движение песков в пустыне, световой обработкой заставлять овощи созревать значительно раньше и давать лучшие урожаи (до пяти крат), выращивать деревья за несколько месяцев до размеров 4—5-летних и много другого. До сих пор я с этим публично не выступал, вот теперь такое должно состояться.¹

4. 5 или 7 марта я по предложению председателя Совета Народных Комиссаров В. Молотова должен сделать доклад в Академии наук о всей своей деятельности в области науки.² Затем доклад будет обстоятельно (2 полных дня) обсуждаться. На основе этого обсуждения будет приниматься решение о дальнейших путях развития науки в СССР.

Как видите, дорогой друг, мне в действительности предстоят очень волнующие события.

¹ См., впрочем, первые две статьи А. Ф. Иоффе из раздела «Агрофизика» наст. сб. (с. 222—228).

² Указанный доклад А. Ф. Иоффе «Условия моей научной работы», прочитанный в рамках мартовской сессии АН СССР 1936 г., опубликован: Изв. АН СССР. ОМЕН. Сер. физ., 1936, № 1—2, с. 7—33. В этом же выпуске Известий АН СССР помещена стенограмма дискуссий по докладу А. Ф. Иоффе и другим прочитанным на сессии пленарным докладам (С. И. Вавилова, Д. С. Рождественского, И. Е. Тамма, В. А. Фока, Я. И. Френкеля).

1 января 1937 г., Ленинград

Дорогой друг!

Желаю Вам счастливого Нового года, без войны и с меньшей угрозой войны!

Я вчера вернулся из Москвы после серии заседаний в Академии. На физическом отделении (я там председателем) мы ежемесячно проводим конференцию по важнейшим проблемам физики. Как правило, очень увлекательно и интересно.

К трем физическим журналам, которые я издаю, теперь добавляется еще один, четвертый — Доклады Академии. В обоих институтах, которыми я руковожу (Физико-технический и Агрофизический), мне пришлось отпустить своих заместителей. Пока найду им хорошую

замену — остаюсь один. Как раз в Новом году, когда утверждается бюджет, такая ситуация не из приятных. К счастью, мне не нужно выколачивать деньги. Все необходимое мне утверждается безо всяких трудностей.

Я писал уже Вам, что мои научные работы продвигаются успешно. Если пойдет так дальше, то я смогу заявить, что не зря прожил на свете. Я надеюсь все самое существенное установить уже к лету [...].

11 мая 1937 г., Ленинград

Дорогой друг!

Я только что вернулся после отдыха. Мы снова были в Крыму. Анна Васильевна остается там еще на следующий месяц. Я приехал хорошо загорелым, и дел у меня очень много. В обоих институтах, директором которых я все еще остаюсь, предстоит провести под моим председательством 25 защит докторских диссертаций. В восьми из них я еще и официальный оппонент.

В будущем году мы вступаем в 3-ю пятилетку. К первому июня я должен представить директивные направления для физики и ее применений в технике и сельском хозяйстве и продумать важнейшие задачи. В двух местах я должен сделать доклады о результатах, к которым мы пришли с Анпой Васильевной (вчера один уже состоялся здесь, а другой — через 5 дней в Москве, в Академии). В конце мая у нас будет 3-дневное заседание физического отделения Академии в Свердловске (на Урале), где я прошлой осенью организовал Физико-технический институт.

И т. д., и т. д. Вот так оно и идет.

Но в общем я доволен. Тем более, что лично моя работа, так же как многие из работ, поставленных мною и проводимых под моим руководством, приводит к столь успешным результатам, что это частично даже превосходит мои ожидания [...].

Я очень благодарен Вам за книги (половину я уже прочитал и в первую очередь, конечно, детективы) и за выпрямители, которые представили для меня большую ценность, поскольку я смог убедиться, что мы производим значительно лучшие.

24 марта 1939 г., Ленинград

Дорогой друг!

Вот уже прошло много времени с тех пор, как прервалась наша переписка. Чего только ни натворили жестокость, предательство, подлость Германии, да и некоторых других государств.

Я порвал с обеими германскими академиями (Прусской и Геттингенской), куда в свое время был избран членом-корреспондентом. И надо же, что соответствующее послание мне пришлось направить М. Планку. Сама мысль о том, чтобы быть сотрудником правительственного учреждения в нынешнем Германском государстве, а ведь Академия является государственным учреждением, становится ненавистной, стоит мне только подумать об их внутренних и внешних разбойничьих деяниях. И я как никогда счастлив, что живу в социалистическом обществе, где не может быть расовой и культовой ненависти.

Моя личная научная работа и в особенности развитие моего института продвигаются вполне удовлетворительно. У нас есть определенные успехи [...].

В октябре 1939 г. состоится наконец сольвеевский конгресс.¹ Если за это время не будет никаких новых опасностей и политических осложнений, то я бы охотно туда поехал, разумеется, через Лондон. Было бы здорово, если бы можно было себе позволить в это поверить.

В остальном у нас все хорошо. Испытываешь радость, видя как тысячи свежих молодых сил стремятся вперед, как культурно растут рабочие и крестьяне. Когда я читаю лекции, то нет такого зала, который мог бы вместить всех интересующихся. В СССР понимают важность науки и ее уважают.

Сердечно благодарю Вас за знаки любви, которые я все время от Вас получаю, особенно за прекрасную новогоднюю открытку [...].

Пишите хоть иногда. Мне так хочется знать, что у Вас. Несмотря на пять лет, пролетевших со времени нашей последней встречи, я продолжаю питать к Вам все такие же, как и прежде, горячие дружеские чувства.

¹ Сольвеевский конгресс в связи с началом второй мировой войны не состоялся.

24 мая 1939 г., Ленинград

Дорогой друг!

Пару дней тому назад вернулся я с юга и застал Ваше письмо от 11 мая.

В Синопе, где я провел месяц, было изумительно: мы жили прямо в субтропическом парке, со всеми удобствами. К сожалению, простуда удерживала меня большую часть времени в помещении.

Мой институт был все время в подчинении промышленного ведомства, а теперь его передали Академии наук (по моему предложению). За два последних года мы пытались решить ряд технических проблем. И нам удалось достигнуть практически важных результатов.

Одновременно оказалось, что без обширного развития теоретических представлений не обойтись. В этом направлении мы довольно далеко продвинулись. И, как всегда, успехи настраивают на оптимизм и вызывают к жизни новые планы развития наших работ. 8 лет тому назад я высказывал в печати некоторые надежды на применение полупроводников в различных практических целях.¹ Тогда мое творчество воспринималось как фантазия. А сейчас мы даже превзошли ее. И, конечно, очень приятно иметь возможность показать это.

Я надеюсь своим трудом принести настоящую пользу моей стране и строительству социалистического общества, и это — лучшее из того, что я бы мог себе пожелать.

До конца июля я теперь останусь в Ленинграде, потом мы поедем в горы до середины сентября. В октябре я. может быть, поеду в Брюссель на сольвеевский конгресс. Вот такие у нас планы.

¹ А. Ф. Иоффе имеет в виду статью: Полупроводники — новый материал для электротехники. — Сорена, 1931, вып. 2/3, с. 108—112.

29 августа 1956 г., Лондон

Дорогой друг!

Я был так счастлив в ожидании наконец-то встретить Вас в Лондоне.¹ Но из телеграммы Вашего сына из Канады узнаю, что Вы странствуете где-то между Австрией и Италией. С Вашим сыном Питером² мы увидимся пред-

положительно в Оттаве, куда я завтра выезжаю. К сожалению, другой возможности, как плыть пароходом «Квин Мэри» в каюте-люкс, нет, что, конечно, очень дорого.

По телефону я разговаривал с Вашей дочерью Гонорией и надеюсь повидать ее. Примерно полгода назад я посылал на Ваш старый адрес русскую газету на английском языке с моим портретом и коротеньким очерком о моей научной деятельности. Но газета вернулась обратно. Я хочу воспользоваться возможностью и эту газету все же Вам передать, если Ваша дочь будет настолько любезна, чтобы проделать это.

У меня все вполне хорошо. Из старого института, который я в свое время основал, я ушел и создаю сейчас новый институт полупроводников, которыми и я и Анна Васильевна интересуемся особенно. Для этой цели я получил здание французского посольства на Неве. Через один-два месяца институт будет готов. А пока мы работаем в старом дворце. Кроме этого института, я еще директор Агрофизического института.

В Лондоне я — по пути в Оттаву, где планируется конференция по полупроводникам. Есть ли какая-нибудь возможность встретиться с Вами где-нибудь на обратном пути? Я, наверное, мог бы поехать через Париж. Может быть, тогда больше надежды? Во всяком случае я проинформирую Вашу дочь о том, когда и куда мы поедем.

Моя жена, которая едет со мной в Оттаву, добилась за это время некоторых довольно существенных научных успехов. Наши результаты в некоторых отношениях по сравнению с США и Англией впереди на несколько лет. Так, например, у нас есть холодильники, использующие всего только маленькую полупроводниковую пластинку, а также генераторы электрической энергии, состоящие из полупроводниковых термоэлементов, обладающие значительным коэффициентом полезного действия и т. д.

Если сомнительно, что наша встреча состоится, то хоть напишите мне и расскажите о своей жизни. Ведь наша старая дружба никогда не заржавеет, не так ли? Что касается меня, то я никаких изменений не замечаю.

¹ В 1956 г. А. Ф. Иоффе был командирован в Канаду на Международную конференцию по полупроводникам и по дороге был в Лондоне.

² Профессор Питер Пlesh, специалист по физической химии высокомолекулярных соединений; ныне работает на химическом факультете университета г. Киля (Англия).